



О России с любовью



Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

•

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

•

ВЕНЕЦ ПРЯМИСЛАВЫ

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА
И ДАРЫ ЗОЛОТОГО ЦАРСТВА





Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ДВЕ ЖЕНЫ
ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

РОМАН



МОСКВА 2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*
Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.
Д24 Две жены для Святослава: роман / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-699-98403-9

Еще мальчиком Святослав, сын Ольги и Игоря, принял на себя бремя власти. Увлеченный ратными делами, юноша и не думал о женитьбе, меж тем с детства по политическим соображениям ему были предназначены две невесты. Кого же выбрать — смолянскую княжну Прияну, о которой уже идет слава ведуны, или древлянскую Горяну, дочь родителей-христиан?.. Святослав был готов подчиниться решению матери... до тех пор, пока не встретился с одной из девушек сам.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98403-9

© Дворецкая Е., 2017
© Нартов В., иллюстрация
на переплете, 2017
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Предисловие автора

«**Л**егенда о княгине Ольге», как она сформировалась в литературе в течение веков, включает два основных момента, два слагаемых исторического сюжета, которые сделали эту женщину знаменитой: месть за Игоря и крещение. Первая часть легенды была мной освещена в книге «Ольга, княгиня русской дружины». Пришла пора приступить ко второй.

Действие романа происходит перед поездкой княгини Ольги в Константинополь, которая по основной версии исследователей относится к лету — осени 957 года. Но к этому времени у героев цикла за плечами уже долгий путь.

Еще пока Святослав, сын Эльги и Ингвара, был отроком, для него нашлись две невесты, одинаково знатного рода и одинаково нужные для благополучия державы. Прияслава, дочь покойного смолянского князя Сверкера, восемь лет ждет, когда же почти незнакомый киевский жених придет за ней. В это время Эльга, княгиня киевская, предпочитает женить сына на Горяне, дочери своего племянника Олега Моровлянина, князя древлянского, желая та-

ким образом соединить обе линии потомков Олега Вещего и предотвратить будущие раздоры. Самому же Святославу пока все равно: он не видел ни одной невесты и мысли его совсем о другом.

Но если дочь родителей-христиан Горяна Олеговна полагается на волю божью, то Прияна, внучка колдуньи Рагноры, готова побороться за свое счастье. После неудачной попытки бежать в Киев она, устав ждать, дает согласие другому жениху. И когда Святослав наконец приезжает в Смоленскую землю, оказывается, что его невеста исчезла, а кривичи строят замыслы создания собственной державы — соперницы Русской земли.

Очень много лет я даже не думала о том, чтобы писать про князя Святослава: я его не видела и не чувствовала как человека и как образ, а еще один бронзовый монстр с чубом на голове, серьгой в ухе, хмурым взглядом и тремя словами на суровых устах «Иду на вы!» никому не был нужен, в первую очередь мне самой. Но наконец я его увидела. И по-моему, образ получился. Если, конечно, помнить, что здесь ему всего девятнадцать лет и он не родился с чубом, суровым взором и все той же фразой. И прежде чем стать памятником в бронзе, лет тридцать был живым человеком.

Поскольку Святослав уже вырос, активная роль в действии переходит к нему. Княгиня Эльга за все время ни разу не покидает Киева. Но именно она управляет всем происходящим, указывает цели и сыну, и Руси в целом. Более того: именно

она предпринимает шаги, призванные из военной корпорации, живущей то торговлей, то данью с покоренных народов, то грабежом, превратить Русь в державу, часть «европейского мира». А именно здесь мы переходим ко второму слагаемому ее легенды: крещению.

Мотивы, побудившие Ольгу принять христианство, составляют одну из ее загадок, ибо источниками они никак не освещены. «Похвала блаженных и великия княгини Ольги» (XVI век) говорит об этом так:

«Блаженная же великая княгиня Ольга по смерти мужа своего Игоря, великаго князя рускаго, освящена бывше божию благодатью и в сердцы приемши божию благодать».

И все. Никакой конкретной причины нет. Не являлась ей во сне Богородица, не излечивалась она по чьей-то молитве от болезни, не впечатлили ее подвиги какого-либо святого или мученика, и никакой святитель не убеждал ее в ложности идольской веры. Никакого чуда из тех, что обращают язычников, с нею не произошло. И даже традиция никакой легендой на этот счет ее не наградила. И тем не менее подобные решения, принципиально меняющие судьбу и личности, и целой державы, не принимаются просто так.

Разгул для фантазии тут самый широкий. Мотивы могли быть самые разные: от личной душевной тяги до холодного политического расчета. А скорее

всего того и другого понемножку. Я постаралась осветить ее мотивы, как они мне представляются. Эльга в данном романе, почти не выходя из дома, тем не менее ведет напряженную работу мысли и совершает духовное путешествие, которое уже скоро приведет ее к необходимости на самом деле отправиться в путь за Греческое море — легендарный путь, который выведет на новую дорогу всю огромную землю Русскую. И это будет не только первый случай в русской истории, когда глава государства выезжает за границу с посольством, а не с войском — людей посмотреть и себя показать. В следующий раз нечто подобное было предпринято лишь много веков спустя, когда Петр Первый, тоже осознавший необходимость больших перемен, снарядил в Европу свое Великое посольство.

Пролог

*Смолянская земля,
3-й год княжения Станибора*

— **Я**нька, вон твой жених.

Сестра, Ведома, взяла Прияну за плечи и немного подвинула, чтобы та могла выглянуть между рукавами стоящих впереди мужчин.

Прияна потянулась на цыпочки и сразу поняла, кого ей показывают. Как она была единственным ребенком среди смолянских бояр, собравшихся перед гридницей в Свинческе, так Святослав, сын Ингвара киевского, оказался единственным подростком в рядах входившей в ворота дружины.

— Он еще маленький, — разочарованно пробормотала Прияна.

Она ожидала большего от нынешнего владыки земли Русской, за которого ее два года назад сосватали Ингвар и его жена Эльга.

— Вовсе не маленький. Старше тебя на три года. Видишь, у него меч?

Да, меч у него имелся, висел на плечевой перевязи. По размеру несколько меньше обычных, но рукоять ярко сверкала на зимнем солнце холодным серебром и жаркой медью.

— Вытянется еще, — добавила Ведома. — Глядишь, нас с тобой перерастет.

— Нас — не перерастет, — буркнула Прияна.

Она гордилась красотой сестры, рослой и стройной, как березка. И муж Ведомы, воевода Равдан Краянович, тоже был высок и хорош собой. Прияна в свои десять лет не сомневалась, что вырастет такой же, как сестра, а значит, и муж ей потребуется не хуже, чем Равдан.

И вот, поглядите на это сокровище! Обычный мальчишка, ростом кормильцу по плечо, белобрысый и хмурый. Однако именно он шагал впереди дружины и первым вошел в ворота Свинческа. Путь русов лежал от берегов Ильмень-озера, — говорили, что там у Святослава есть собственный город, — в Киев, где с нетерпением ждала его мать, Эльга.

Княгиня Прибыслава первой выбежала юному гостю навстречу, наклонилась, поцеловала. Они состояли в родстве: Прибыслава Остроглядовна приходилась Святославу двоюродной племянницей, хоть и была старше лет на пять. Он принял ее ласки, но даже не улыбнулся — это заметила пристально наблюдавшая за ним Прияна. Княгиня обняла его кормильца, Асмунда, потом к ним навстречу вышел князь, Станибор. Гостей повели в гридницу, следом направились смолянские бояре. Ведоме тоже приходилось идти: как воеводской жене, ей надлежало быть под рукой у княгини.

— Иди дома посиди. — Она легонько подтолкнула Прияну к их избе здесь же, в Свинческе. — Как будет можно, я пришлю за тобой.

Послали за Прияной, против ожидания, очень скоро. Она лишь немного поиграла с племянницей, годовалой Орчей, и даже не успела как следует обдумать, можно ли надеяться, что Святослав когда-нибудь станет таким же высоким и красивым, как Равдан. Когда она вошла, пир в гриднице уже шумел вовсю: говорили все одновременно, отроки носили блюда, над столами плыли братины, будто лебеди по волнам хмельного питья.

— Иди, поднеси меду жениху! — Станибор махнул ей рукой. — Познакомитесь.

Прияна чинно взяла у кравчего чашу — небольшую, зато из серебра с самоцветами, на ножке, греческой работы, — и направилась к сидевшему на почетном месте Святославу. Он поднял глаза. Она подошла и застыла, ожидая, пока он встанет. Все женщины ее рода — и по отцовской ветви, и по материнской — во многих поколениях числили поднесение чаш среди своих первейших священных обязанностей. В свои десять лет она не просто умела это делать — это умение текло в ее крови. Для своих лет Прияслава, младшая дочь Сверкера, была довольно рослой, и за внешность могла не беспокоиться. Светло-русая коса до пояса опрятно заплетена, на шелковой ленточке, заменяющей очелье, два простых серебряных колечка у висков. Платье голубой шерсти — из того же куска, что у Ведомы, синий поясок своей работы — ровный, красивый. Кафтанчик из тонкого белого сукна, с отделкой золотисто-желтого шелка по краю, с длинным рядом блестящих

бронзовых пуговиц. Ради такого дня Ведома дала ей одно из своих ожерелий: черные бусины с белой волной и зелеными глазками красиво смотрелись на кафтане, а в середине блестела серебряная подвеска с изгибающимся зверем — свейской работы.

— Будь цел и благополучен под нашим кровом, Святослав Ингоревиц, и пусть боги дадут тебе удачи на твоем пути, — отчеканила Прияна, и волнение ее проявилось лишь в том, что лицо ее стало еще более строгим и гордым.

Святослав взял у нее чашу.

— Благо тебе буди, — буркнул он и отпил.

Прияна не уходила, а продолжала его разглядывать. Светлые волосы были бы красивы, если их как следует расчесать; нос немного вздернут — ой, как плохо. Нет, никогда ему не стать таким красивым, как Равдан!

— А почему на тебе одежда вывернута? — спросила она.

— Потому что моего отца убили. — Он коротко взглянул на нее своими голубыми глазами.

Прияна поняла этот взгляд: так смотрят мальчишки, которые считают, будто разговаривать с девчонками ниже их достоинства.

— Разве некомушить тебе горевую сряду? — Она подумала, что могла бы это сделать, если бы хватило времени.

— Это и есть горевая сряда. — Он дернул плечом.

— Но так ходят только в первые дни. Разве твоего отца убили недавно?

— Его убили осенью. Но я буду ходить так, пока не отомщу. Моя месть не остынет ни через три дня, ни через три месяца.. Но я скоро отомщу.

Прияна помолчала. Он больше ничего не сказал и не смотрел на нее.

— Моего отца тоже убили, — произнесла она, не дождавшись, пока он возьмет на себя труд поддержать беседу.

— Да? — Святослав все-таки взглянул на нее, и было видно: это ему любопытно. — Кто?

Прияна еще помолчала. Но он ждал.

— Твой отец, — сказала она, повернулась и ушла из гридницы.

Глава 1

Киев. 6-й год княжения Святослава

В последний день перед Колядой Эльге хватало забот, и никого другого она бы не стала принимать, но Жельке отказать не могла. Эту женщину она знала много лет: ровно столько, сколько сама прожила в Киеве. В далекой юности Желька была одной из жен такого же юного тогда Ингвара — из числа пленниц, добытых им в первых походах. Перед свадьбой Эльга потребовала удалить прочих жен — хотя бы до тех пор, пока сама она не родит сына, — и он роздал их гридням. Желька досталась Гримкелю и прожила с ним без малого пятнадцать лет. До той губительной осени, что, будто удар топора, разделила жизнь Эльги на две части: с Ингваром и после него. Гримкель погиб вместе с князем, в тот же час. И кости их уже шесть лет лежат в общей могиле, под курганом на берегу древлянской реки Тетерев. Отправляясь каждый год, на Весенние Деда, приносить жертвы на могиле, Эльга брала с собой тех десять-двенадцать женщин, что овдовели с ней в один день. Иногда, глядя, как они в рядок причитают над насыпью, поросшей густой травой, все в белых вдо-

вях платках, она невольно думала: дружина Мары. Ее, Эльги, дружина...

Четверо сыновей Жельки служили в гриднях Святослава, старший уже успел жениться и жил своим домом. Сама она по-прежнему уверенно хозяйничала на своем дворе — постаревшая, располневшая и растерявшая половину зубов, без следа красоты, за какую Святослав когда-то выбрал ее из толпы ревущих пленниц. Впрочем, Эльга никогда не находила ее особенно красивой — да и много ли той красоты надо, чтобы прельстить молодого парня в походе?

В этот пасмурный зимний полдень Жельку привело к княгине важное дело. Мало кто решился бы лезть без зова в княгинин двор на Святой горе, но Желька знала, что ее-то Эльга примет.

— Жалуюсь я на соседа, Горелу-бесомыку!¹ — воинственно уперев руки в пышные бока, докладывала она Эльге, сидящей на покрытой шелком укладке. — У нас вся улица его, беспуту, знает, он был кузнец, да спился в дым, уж который год не работает, а только по дворам колобродит! И как мне ключник говорит поутру: мол, куры пропали! — я и говорю: ступай к Гореле, видать, там! И что ты думаешь? Там и наши сынки моих кур!

— Забрали? — улыбнулась Эльга.

Не стоило сомневаться: четверо Гримкелевичей — княжьих гридней — сами управились с бывшим кузнецом.

¹ Бесомыка — гуляка, шатун. (Здесь и далее примечания автора.)